

Когда следующим утром повозка с именем семьи Фэн остановилась у лавки благовоний, слуга у дверей, торопливо кланяясь, поспешил вовнутрь. Тут же из комнат донеслось:

— Молодой господин Фэн прибыл! Молодой господин!

Внутри слуги стройно поклонились вошедшему молодому господину: покупателей в этот час еще было мало, потому они могли позволить себе отвлечься от работы. Когда личный слуга хозяйки спустился со второго этажа лавки и увел Фэн Жуна к госпоже, вслед ему летели шепотки:

— Молодой господин был здесь вчера и пришел сегодня: он либо благодарен, либо зол. Если примется браниться на госпожу, с влиянием семьи Фэн нам останется только подставить спины по палки!

— Думаешь, госпожа разозлила господина Фэна? — спросила одна из служанок, и говоривший слуга подошел к ней ближе. Он имел вытянутое лицо с извечным хитрым выражением, и слова из его рта вылетали неприятные.

— А будто сама не знаешь, как благородные господа относятся к нашей хозяйке. Он что ли первый, кто сначала что-то покупает, а потом приходит жаловаться: то благовония вспыхивают, то не пахнут, то не горят... Вот увидишь, начнет всюду опять кричать гадости о нашей госпоже, как и прочие!

— Ты так говоришь оттого, что не знаешь господина Фэна, — возразила другая служанка. — Несколько раз он посылал к нам слуг для покупок, и с госпожой дружен: он так поступать не станет.

— Кроме того, репутация у молодого господина хорошая, — добавил кто-то. — Господин ласков со своими слугами, честен и справедлив. Пусть он получил должность от отца, но не возгордился, и честно служит Императору.

— К тому же красавчик, — улыбнулась одна из девушек. — От милосердия других господ нет толку, если они дурны собой, а тут...

— Думай, что говоришь, — тут же одернули ее другие. — Если кто услышит, тебя накажут!

Девушка поджала губы и замолчала, но взгляд ее все равно тоскливо проводил ровную спину молодого господина, скрывшегося за занавесом из нефритовых бусин.

Фэн Жун, которому приписывали склонность и желание раздуть конфликт, при виде госпожи Ван широко улыбнулся и склонил в поклоне голову. Поприветствовав его, госпожа указала на место у стола. Лавки с широкими спинками и стол, на котором были разложены бумаги госпожи, располагались у окна, из которого виднелась яркая улица и слышны были сотни голосов. Здесь пахло чернилами, морозом и уличной едой, а холодный свет внезапно показавшегося сегодня солнца бросал на записи длинные лучи.

Сев, Фэн Жун радостно сообщил:

— Госпожа Ван, ваш подарок пришелся очень кстати.

Женщина довольно отложила кисть:

— Это служанка рада была стараться.

— Однако о цветке вам стоило мне сообщить, — прищурившись, улыбнулся Фэн Жун. — Это большое дело, я хотел знать заранее...

— Неужели подарок распаковали при вас? — удивилась госпожа Ван и тут же губы ее изогнулись в теплой улыбке. — Такая поспешность говорит об интересе вашей избранницы.

— Так вышло... — замаявшись на миг, отозвался Фэн Жун, но слова хозяйки его искренне порадовали. — Я хотел лишь выразить почтение, а кроме никому о произошедшем знать не стоит.

Госпожа Ван поняливо качнула головой и тут же в глазах ее мелькнул интерес: в прошлую их встречу Фэн Жун был куда более откровенен в своих чувствах и словах, однако теперь вспомнил об осторожности. А как он мог поступить иначе, когда вчера господин Ли, услышав историю о его похождениях, едва не поколотил его каллиграфической кистью? Раздраженный за целый день занятий собственной слабостью, Ли Инчунь не стал стесняться в выражениях, честно сказав, насколько глупо было открыто выражать свое расположение, и как Фэн Жуну повезло, что Первая принцесса не сочла это оскорблением. Слушая, господин Фэн обиженно поджимал губы, но после понял, что Ли Инчунь во всем прав, и пообещал себе, что будет более сдержан в словах и действиях, чтобы не доставить кому-либо неприятностей.

— Это служанка тоже должна поблагодарить господина Фэна, — между тем сказала госпожа Ван. — После вашего отъезда слуги рассказали о Яньлинь: я очень благодарна. Пусть я имею некоторый статус, его недостаточно для противостояния Третьему принцу, и в этой ситуации я не могла защитить девушку. Если бы не господин Фэн, мне осталось бы только смотреть на происходящее.

— Не стоит, госпожа, я сделал меньшее, — ответил Фэн Жун и тут же в его простом лице появилась непримиримость. — Этот Мин Цзе забылся и позволил себе лишнего. Я был только рад поставить его на место.

— Господин Фэн очень благороден, однако я не могу не спросить: вы не боитесь гнева Третьего принца?

Фэн Жун фыркнул:

— Отчего мне его бояться? Справедливость на моей стороне, потому и слова тверды! Я лишь заступился за Яньлинь, тогда как ему нужно вымалывать ее прощение из-за поведения своих слуг!

Госпожа Ван рассмеялась: молодой господин говорил так открыто и честно, что ей самой, имеющей за душой некоторые секреты, становилось неловко, и следующие слова словно нехотя застревали в горле. Сделав глоток чая, госпожа Ван все же продолжила:

— Господин Фэн благороден. Мне неловко пользоваться вашей добротой, но сама я, как хозяйка, тут бессильна, потому могу лишь просить: присмотрите за Яньлинь.

— Все так серьезно? — удивился Фэн Жун.

— В некотором смысле, — призналась госпожа Ван. — Господин Мин часто приходит и, пусть не делает ничего плохого, Яньлинь не любит его, к тому же злым языкам не нужно повода, чтобы начать говорить всякое. Яньлинь заботится о своей репутации, потому такие встречи ей только вредят. Если господин Мин заинтересован в ней — то пусть отправляет людей к ее родителям, если нет — он должен принять отказ. Та ситуация, что есть сейчас... Не может

долго продолжаться.

— Я вас понял, — задумчиво сказал Фэн Жун. Куань, стоящий рядом с ним, не мог более этого слушать. Следуя за своим господином, мужчина знал многое и почти всегда не имел права высказаться, но в лавке благовоний он все же позвал:

— Господин, вы не должны...

— Перестань, — тут же оборвал его Фэн Жун и взглянул строго. — Не должен — но я хочу. От помощи девушке ничего со мной не станет, а для нее это важно, — обернувшись к госпоже Ван, под взволнованный взгляд Куаня юноша кивнул. — Хорошо, я помогу вам.

— Господин Фэн, эта служанка будет вечно благодарна вам, и если я что-то могу сделать...

— Не стоит говорить такого в столице: ваше обещание позже с вас могут требовать, — рассмеялся Фэн Жун. Госпожа Ван тоже улыбнулась и опустила глаза:

— Спасибо господину за беспокойство, но я знаю цену своим словам. Я не богата и не имею сильного влияния, но помогу вам при случае тем, чем смогу.

Фэн Жун отмахнулся, словно эти слова не воспринимал всерьез. Он был потомственным молодым господином, получившим должность и положение от своих предков; он имел легкий характер; он был красив — но он не был глупцом.

Первое обещание ему дали, еще когда Фэн Жун был совсем мал. Его мать к тому моменту уже умерла, остались лишь сестра, бабушка и отец, который в сознании ребенка был лишь размытой тенью, иногда появляющейся в поместье. Сестра была ему ближе всех, она выполняла все его пожелания и невероятно баловала: когда он попросил, она с легкостью пообещала, что навсегда останется жить с ним и никогда не уйдет в чужой дом. И вот уже год Фэн Сюэлин жила в поместье хоу. Она не стала обманщицей и не обязана была жертвовать своей жизнью ради счастья брата, некоторые обещания просто невозможно было выполнить, но и некоторые раны — забыть. Даже если это был лишь маленький порез или случайная заноза, она навечно оставалась в теле, каждый день уколами боли в неожиданные моменты напоминая о себе. Не на кого было злиться и нечего делать, чтобы все исправить — оставалось лишь бесконечно делать вид, что ничего не болит: пока это не станет правдой.

От подернутых пеленой печали размышлений Фэн Жуна отвлек крик на улице. Он выглянул в окно: в центре улицы прямо на земле сидела женщина, заливаясь горькими слезами. Она кричала и цеплялась за одежды гуляющих людей, но все проходили мимо, смотря на нее неодобрительно.

— Помогите! Помогите! — кричала она, срывая голос. — Он убивает меня, убивает без вины! Я ничего не сделала плохого в этой жизни, не вредила людям и не развратничала! Почитала предков, была уважительна к мужу! В чем моя вина?! В чем?!..

Фэн Жун было поднялся с своего места, чтобы броситься вниз, но на месте его удержала неожиданно сильная рука госпожи Ван. Юноша перевел на нее взгляд.

— Не горячитесь, — коротко сказала женщина, неторопливо отпивая чай. — Оглянитесь вокруг: рядом с ней нет никого, кто ей бы угрожал, она в богатых одеждах и сыта. Господин не видел, потому как отвлекся, но она шла по улице и вдруг принялась плакать на пустом месте.

— И что же? — нахмурившись, спросил Фэн Жун.

— Ее все тут знают, это Эрцин, — сказала госпожа Ван. — Она плачет так раз в несколько дней на разных улицах в нашем районе — местные уже и не обращают внимания.

— Это значит, что ей не надо помочь?

— Ей ничего не поможет, — отозвалась госпожа Ван. Вздыхнув, она взглянула на хмурое выражение на лице Фэн Жуна и рассказала. — Эрцин и ее муж живут недалеко отсюда: у них богатый дом и есть небольшая лавка. Когда-то давно в том доме жили родители ее мужа, а рядом — другая семья. Муж Эрцин был влюблен в девушку оттуда и они даже хотели стать мужем и женой. Эрцин он нравился тоже. Долго она пыталась завоевать его красотой и талантами, но его сердце лежало к единственной госпоже.

Тогда Эрцин оклеветала ее и сдала страже: чтобы доказать свою невиновность, девушка разбила голову о мраморную колонну в императорском дворце, а после и ее семья не вынесла горя. Долгое время никто этого не знал и, погоревав, муж Эрцин взял ее в свой дом. Он старался быть добрым и почтительным с ней, пусть и не любил — а после правда вскрылась. Муж Эрцин не может выгнать ее, потому как для нее это означает смерть, но больше не смотрит и даже не говорит с ней. Клевета на него, она пытается хоть как-то привлечь его внимание — только это ей теперь и остается.

— Какой ужас, — только и мог выдохнуть Фэн Жун.

— Такова жизнь, — ответила с грустной улыбкой госпожа Ван. — Она готова была сделать все, чтобы заполучить желаемое — но теперь расплачивается за ошибки, которые уже слишком поздно исправлять, — вздохнув, женщина вновь взглянула на сцену внизу. К Эрцин все же подошел случайный прохожий и теперь она цеплялась за него, словно за последнее спасение, пока он крутил головой, слушая торговцев рядом, которые советовали плюнуть и уйти. — Но на самом деле, господин Фэн, мне не жаль ее. Не только потому, что она сама виновата в своем положении.

— А почему же еще?

— Те молодые люди любили друг друга, говорили, что их пара создана была на небесах. Теперь девушка мертва, а юноша обратился в старика, прожившего в обмане половину жизни — а все лишь из-за ее высокомерия. Не так часто в этом мире люди искренне любят друг друга, у некоторых вовсе нет права быть любимыми, а она погубила такое сокровище... Как расточительно, — выражение печали и усталости лишь на миг коснулось лица госпожи Ван, осев у глаз и в уголках губ глубокими морщинами, а после она, будто очнувшись, улыбнулась: — Простите, господин, что говорю о грустном. Но именно поэтому видеть ваше увлечение мне так радостно, и наблюдать за ситуацией Яньлинь — так мучительно. Я искренне благодарна за вашу помощь и никогда не откажусь от слов о том, что готова помочь в ответ.

Фэн Жун кивнул. Госпожа Ван заметила, что расстроила его, потому отвлекла сторонними разговорами: господин Фэн был мягкосердечен, но отходчив, и уже очень скоро на его лице вновь появилась улыбка. Фэн Жун был еще слишком молод, чтобы чужие печали воспринимать, как свои: ему казалось, будто он на месте других людей сделал бы лучше и правильнее, не стал бы совершать ошибок и оказался в выигрыше. Он чувствовал свое бессилие от того, что не может собственные мысли вложить в чужие головы — а оттого старался помочь всем, кому может.

Через несколько дней господин Фэн на утреннем заседании рядом за зевающим Третьим принцем увидел Мин Цзе. Фэн Жун не мог позволить другим заметить свой интерес, но

украдкой подал знак знакомому придворному евнуху. Тот за спинами придворных, пока зачитывался доклад о наводнении в Хэнани, приблизился к Фэн Жуну и вслушался в шепот молодого господина. Евнух понятливо кивнул и незамеченным ушел. Когда же Третий принц и Мин Цзе выходили из зала, он подошел к ним и упал перед Его Высочеством на колени.

— Слуга приветствует Третьего принца! — сипящим голосом воскликнул евнух. Фу Цзя окинул его быстрым взглядом и улыбнулся:

— Ты... Ли Юй, верно?

— Ваше Высочество верно запомнил, этого слугу зовут Ли Юй! — заулыбался евнух. — Ваше Высочество добродетелен и благороден, раз помнит имя простого слуги.

— Оставь добродетельность женщинам, — игриво отмахнулся Третий принц. — Ты ведь служишь в дворцовом управлении? Что у тебя за дело?

— Ваше Высочество, управляющий У попросил меня поговорить с вами. Прошлого месяца из вашего поместья в честь дня рождения вдовствующей Императрицы были направлены отрезки ткани, жезлы жуи с пожеланиями долголетия, связки речного жемчуга, изделия из нефрита и золота...

— Да-да, я все это помню, — вздохнул Фу Цзя. — Что с ними?

— Ваше Высочество, принявшие дары у ворот евнухи принесли их в дворцовое управление, но перемешали, потому теперь непонятно, что следует преподнести Императору, а что — вдовствующей Императрице. Они уже строго наказаны, и присланные вещи можно распределить по статусу, но мы боимся сделать ошибку и случайно неверно передать ваши намерения. Мог бы Ваше Высочество пройти на склад, чтобы...

От скачущих, словно зайцы, слов, у Третьего принца болела голова. Он приказал отправить эти дары своей ванфэй — конечно он и сам не знал, что и кому там предназначалось. Кроме того, на самом деле между нефритовым жезлом для Императора или вдовствующей Императрицы не было большой разницы: однако и просто отослать дворцового евнуха, проявив тем самым к своим венценосным родственникам неуважение, Фу Цзя не мог. Тут взгляд его упал на задумчиво замершего рядом Мин Цзе.

— Сяо Цзе, — позвал он. — Ты же не любишь вдовствующую Императрицу?

Мин Цзе вздрогнул и нервно улыбнулся:

— Не шутите так, Ваше Высочество, разве посмею я не проявлять к Ее Светлости должного уважения?..

— Ага, сегодня я освобожу тебя от этой повинности, — кивнул Третий принц. — Иди с Ли Юем в дворцовое управление и разберись там, а я пока навещу бабушку. Встретимся у ворот: но торопись — долго ждать тебя я не буду.

— Н-но господин, такое важное дело... — начал было Мин Цзе, но Фу Цзя за плечи развернул его в нужную сторону и пнул под зад. Обернувшись, Мин Цзе посмотрел на него обиженно. Зато Ли Юй был очень доволен:

— Спасибо, Ваше Высочество! Большое спасибо за ваше милосердие! — без конца кланялся он. Когда же Третий принц безразлично махнул рукой и удалился, евнух спешно пошел в сторону,

увлекая за собой и Мин Цзе.

Тот шел понуро, погруженный в свои мысли. Когда он задумывался, его густые брови сходились над переносицей в суровом, но удивительно глупом выражении. Несмотря на мягкость юных черт, казалось, словно юноша замышляет что-то плохое. Кроме того, в задумчивости он совсем не следил, куда идет и, когда вдруг поднял взгляд от подола серых одежд ведущего его евнуха, оказался совсем не в той части Запретного города, которую ожидал увидеть.

Мин Цзе тут же остановился и с подозрением спросил:

— Куда ты меня привел?

— Господин, не беспокойтесь, — улыбнулся Ли Юй. — Мы идем в дворцовое управление — только длинным путем.

— И зачем же мы?.. — начал было Мин Цзе, осматриваясь вокруг, но неожиданно прямо перед ним из-за декоративной горки выступил Фэн Жун. Мин Цзе не заметил, как оказался в саду, в одном из тихих гротов, что использовали для тайных встреч служанки и стражники. Место это было отдаленным, и криков отсюда бы никто не услышал — но Мин Цзе, увидев Фэн Жуна, вдруг ощутимо выдохнул, словно ожидал увидеть кого-то совсем другого. В голосе его появилось удивление: — Господин Фэн?..

Фэн Жун не глядя бросил в руки Ли Юю увесистый мешочек и тот, кланяясь, поспешил уйти, чтобы не мешать разговору господ. Наблюдая за этим, Мин Цзе пораженно выдохнул:

— А господин Фэн в самом деле не ведает страха...

Куань думал о том же, но стоя за плечом своего неугомонного молодого господина, сурово молчал. Фэн Жун между тем презрительно улыбнулся:

— Господин Мин, я только хотел поговорить с вами наедине, потому попросил евнуха вас проводить. Неужели он вам ничего не сказал?

— А мешочек — это ваш старый долг перед ним? — ехидно спросил Мин Цзе. Фэн Жун вздернул брови в абсолютно неискреннем выражении:

— Как вы угадали? — тут же, впрочем, суровость вновь вернулась на лицо юноши. — Господин Мин, я хотел обсудить с вами кое-что.

Мин Цзе вздохнул: пусть зачастую он держался наивно и робко, внезапно во взгляде его Фэн Жуну почудилось ужасающее спокойствие, как у человека, имеющего солидный опыт. Вероятно, за это Третий принц его и выделил.

— Это по поводу Яньлинь, — честно сказал Фэн Жун. — Не приходите к ней больше.

Мгновение назад Мин Цзе казался сосредоточенным и внимательным — но тут же переменялся от упоминания имени девушки. Он сделал шаг к Фэн Жуну, а глаза его вспыхнули сотней эмоций, что Фэн Жун не в силах был разобрать.

— Это она вам сказала? — спросил юноша. — Она говорила что-то еще?

— Не она, а госпожа Ван, — ответил Фэн Жун. Мин Цзе прикусил губу, словно ожидал

услышать другое, но молодой господин продолжал. — Вы приходите к девушке — по городу уже идут слухи о ваших отношениях. Она отказала вам, потому перестаньте так поступать. Яньлинь не решается выгнать вас, но она не хочет иметь с вами ничего общего.

— Яньлинь не могла такого сказать, я вам не верю, — Мин Цзе покачал головой. — Вы ничего не понимаете.

— Я понимаю, что вы портите репутацию девушки, — сказал Фэн Жун. Эта ситуация заставляла его злиться, а выражение лица Мин Цзе, на котором вдруг каплями крови проступила боль, лишь больше раздражало. — Что бы вы не думали относительно Яньлинь, она ясно дала вам понять свои намерения, а продолжая приставать к ней, вы позорите и себя, и своего господина. Не думайте, что если вы под покровительством Третьего принца, на вас во всей столице не найдется управы!

Сказав так, Фэн Жун резко развернулся и пошел прочь из сада. Он был раздражен, словно Мин Цзе в самом деле совершил что-то плохое. Смотря ему вслед, Мин Цзе тихо пробормотал:

— Мертвым до таких дел дела быть не должно...

Всем своим видом молодой господин Фэн источал высокомерие, присущие потомственным аристократам: даже телохранитель его обладал неуловимой грацией, что не была знакома обычным людям. До Мин Цзе донеслось как, догнав Фэн Жуна, Куань принялся тихо говорить ему:

— Господин, не стоило говорить так, это же подчиненный Третьего принца, кто знает, что теперь будет... — Мин Цзе фыркнул и хотел уже уйти, когда до него донеслась последняя фраза телохранителя: — Думаете, вас похвалят, если о таком поведении узнает господин Ли?..

Не смея верить в услышанное, Мин Цзе резко замер на месте.

Мленький театр:

Мин Цзе □ Ли Инчунь

разбираться с работой, которой должны заниматься жены их господ

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1719093>